

RU

Переводимость и понятность как внутренние свойства языковых единиц (онтологические аспекты транслятивной лингвистики)

Голев Н. Д., Мельникова В. С.

Аннотация. Цель исследования заключается в систематизированной организации современных теоретических концепций, изучающих онтологические аспекты переводимости и понятности, с акцентом на выявление их взаимосвязей с интерпретируемостью языковых единиц. В статье анализируются российские лингвистические работы, посвященные онтологическим аспектам транслятивной лингвистики, преимущественно на русском языке. Научная новизна статьи заключается в том, что впервые выявлены и систематизированы ключевые аспекты онтологии перевода, которые ранее не получали комплексного рассмотрения в рамках транслятивной лингвистики, а также в том, что предложено включение онтологического подхода в методологию транслятивной лингвистики. На основе анализа лингвистических исследований авторы формулируют оригинальные выводы и положения, обосновывают концепцию транслятивного пространства и предлагают классификацию механизмов транслятивного функционирования языковых единиц. Полученные результаты показали, что переводимость коррелирует с понятностью текста и может служить ее маркером. Обосновано положение о транслятивном функционировании языка как особом формате речевой деятельности, порождающем транслятивные микрополя. Это позволяет рассматривать язык как часть глобального межъязыкового пространства, где каждая единица обладает потенциалом вариативной межъязыковой репрезентации.

EN

Translatability and understandability as intrinsic properties of linguistic units (ontological aspects of translation linguistics)

N. D. Golev, V. S. Melnikova

Abstract. The aim of this research is to systematically organize contemporary theoretical concepts that explore the ontological aspects of translatability and understandability, with a focus on identifying their interconnections with the interpretability of linguistic units. The article analyzes Russian linguistic works devoted to the ontological aspects of translation linguistics, predominantly in the Russian language. The scientific novelty of the article lies in the first identification and systematization of key aspects of the ontology of translation, which previously have not received comprehensive consideration within translation linguistics, and in the proposed inclusion of an ontological approach into the methodology of translation linguistics. Based on the analysis of linguistic studies, the authors formulate original conclusions and propositions, substantiate the concept of translatable space, and propose a classification of the mechanisms of translatable functioning of linguistic units. The results obtained show that translatability correlates with text understandability and can serve as its marker. The proposition about the translatable functioning of language as a special format of speech activity, generating translatable micro-fields, is substantiated. This allows us to view language as part of a global interlingual space, where each unit possesses the potential for variable interlingual representation.

Введение

Настоящая статья посвящена исследованию онтологических аспектов переводимости. Выбор темы обусловлен необходимостью систематизации теоретических подходов к изучению переводимости и ее взаимосвязи с интерпретируемостью, что является ключевым для понимания процессов перевода и транслятивного функционирования языковых единиц. Объектом исследования выступает перевод, рассматриваемый как продукт

естественного взаимодействия между исходным и целевым языками. Предметом исследования выступают онтологические (системные и ментальные) аспекты изучаемого языка, его онтологические категории, связанные с переводом, включая смысл, значение и контекст, а также их корреляция с интерпретируемостью единиц естественного языка. В рамках статьи рассматриваются теоретические тезисы, раскрывающие онтологический план перевода. Важными способами транслятивного функционирования являются деривация, интерпретация и ассоциирование. Эти методы позволяют создавать различные транслятивные варианты, которые формируют транслятивные микрополя. Совокупность этих микрополей образует транслятивное пространство языка, в котором каждая языковая единица становится частью широкого межъязыкового контекста. Транслятивная вариативность единиц языка характеризует устойчивые и типовые отклонения в пределах взаимодействия двух языков. Для лингвистического описания этих отклонений вводится понятие «акцент в широком смысле», или «интерферент».

Актуальность исследования заключается в том, что оно позволяет углубить понимание онтологических основ перевода в контексте развития транслятивной лингвистики. В условиях расширения межъязыковых контактов и цифровизации переводческих процессов требуется углубленное изучение системных свойств языковых единиц переводимого языка, определяющих их транслятивный потенциал. Особую значимость приобретает исследование корреляции между переводимостью и интерпретируемостью как ключевыми параметрами межъязыкового взаимодействия. Для достижения цели исследования представляется важным решение ряда задач: 1) систематизировать современные теоретические концепции, исследующие онтологические аспекты переводимости и понятности, с учетом их связи с интерпретируемостью языковых единиц; 2) обосновать онтологическую природу транслятивного пространства как системы взаимосвязанных вариантов перевода, обусловленных интерпретируемостью и понятностью языковых единиц; 3) разработать классификацию механизмов транслятивного функционирования языковых единиц (деривация, интерпретация, ассоциирование) на основе их онтологических свойств и степени понятности.

Методы исследования включают: концептуальное моделирование (для построения модели транслятивного пространства); сравнение категории переводимости с аналогичными категориями естественного языка; контекстуальный анализ (для изучения реализации переводимости в конкретных языковых единицах) и логико-лингвистический анализ публикаций. Материалы исследования составили 45 научных публикаций по транслятивной лингвистике за 2018–2023 гг., извлеченные из eLIBRARY.RU. Теоретическая база исследования включает фундаментальные работы в области транслятивной лингвистики. Значительное влияние оказали теоретические положения Л. В. Кушпиной (2003а; 2003б) о динамике переводческого пространства и синергетической природе переводческих процессов. Работа А. П. Журавлева (2019) внесла вклад в развитие когнитивной лингвистики, предлагая новые перспективы для исследования языковой картины мира через призму полевой организации языковых единиц. Работа Н. Б. Мечковской (2019) представляет исследование дуализма языковых единиц, анализируя их воспроизводимость и идиоматичность; также в работе проводится системное разграничение между номинативными и коммуникативными свойствами языка. Важную роль в формировании методологической базы сыграли исследования: И. С. Алексеевой (2004) по основам переводоведения, Н. К. Гарбовского (2007) по общей теории перевода, А. Н. Рудякова (2016; 2020) по проблемам георусистики и межъязыковой вариативности. При рассмотрении вопросов межъязыковой интерференции и трансформации учитывались исследования П. А. Катышева, Н. А. Боженковой, И. В. Огорелкова и П. К. Иванова (2021) по диагностике интерференции, работы Н. В. Лосевой и Л. Н. Метельской (2018) об экспериментальном изучении мультILINGВИЗМА, концепции Л. В. Топки (2011) о межъязыковом пространстве. Технологические аспекты перевода анализировались на основе трудов М. Г. Мамедовой и З. Ю. Мамедовой (2006) по машинному переводу, исследований Э. С. Клышинского (2021), а также Э. С. Клышинского, В. К. Логачевой и Ю. А. Белобоковой (2017) по статистическим методам оценки понятности. Современные тенденции в теории перевода рассматривались с опорой на публикации в ведущих российских научных журналах (2018–2023 гг.), материалы международных конференций по переводоведению. Статья продолжает разработку концепции транслятивной лингвистики Н. Д. Голева (2009; 2020; 2022), в трудах которого приведены методологические основания транслятивного подхода, исследованы онтологические и гносеологические аспекты переводимости, предложена система ключевых понятий данной научной парадигмы.

Периодизация исследования охватывает три ключевых этапа развития транслятивной лингвистики. Соотношение источников: 65% работ опубликованы в 2018–2023 гг.; 25% – в 2010–2017 гг.; 10% – классические труды, сохраняющие методологическую ценность. Междисциплинарный охват: основной массив (70%) – работы по транслятивной лингвистике, 20% – исследования по когнитивной лингвистике, 10% – труды по семиотике и теории языка.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения ее результатов в преподавании сопоставительной лингвистики, при разработке методик оценки качества машинного перевода, в практике подготовки переводчиков (формирование навыков анализа транслятивного потенциала единиц). Значимость исследования заключается в его практическом применении для улучшения методов перевода, а также в расширении теоретических основ транслятивной лингвистики.

Обсуждение и результаты

В рамках транслятивной лингвистики (ТЛ) переводимость рассматривается как фундаментальное свойство языковых единиц, обладающее двойственной природой (субъективной и объективной сторонами).

Разработанная нами концепция предполагает анализ переводимости через призму системных характеристик исходного языка, параметров переводческой эквивалентности, когнитивных механизмов межъязыковой трансформации. Полученные данные свидетельствуют о необходимости дифференцированного подхода к изучению переводимости на различных уровнях языковой системы. В этом статусе переводимость – основной предмет ТЛ. Переводимость так или иначе рассматривается переводоведением (его объектом является перевод как процесс и результат, а прикладной целью – совершенствование переводческой деятельности) и контрастивной лингвистикой – лингвистической дисциплиной, основной задачей которой является сопоставительное изучение нескольких (обычно двух) языков для выявления их сходств и различий на разных языковых уровнях. ТЛ рассматривает переводимость как внутреннее свойство единиц изучаемого языка (последние – ее объект). Сравнение языков в целом, сопоставление переводимых и переведенных единиц в частности – не цель, а способ выявления особенностей изучаемого языка. К числу таких особенностей языковых единиц относится переводимость, наряду, например, с понятностью, мотивированностью, производностью, сочетаемостью, частотностью и др. Особенно значима в этом ряду свойств способность языковых единиц к развитию, проявляющаяся в расширении их функционала, во вхождении в новые функциональные группы (например, в дискурсивные сферы) и, как следствие этого, – в появлении у языковых единиц, прежде всего слов, все новых и новых формальных и смысловых вариантов и новообразованных от них единиц, образующих словообразовательные гнезда исходного слова. В этом смысле транслятивное функционирование слова является проявлением, частным и специфическим случаем языковой вариативности и языкового развития очерченного типа. Выход слова за национальные границы исходного языка – следствие такой вариативности. То обстоятельство, что транслятивный вариант (транслят) имеет такой, а не иной переводной формат и входит в такое, а не иное поле транслятивных вариантов другого языка является следствием изначального внутреннего качества переводимого слова. А форматы и поля транслятов являются зеркалом этого внутреннего качества переводимой единицы. Они могут быть использованы в роли инструмента для изучения названного качества.

Таким образом, главная цель транслятивной лингвистики – транслятивное исследование естественного языка и его различных сторон (планов, уровней) и его отдельных единиц. В связи с этим выскажем предположение о возможности редукции определения термина «транслятивная лингвистика» до «лингвистической науки о переводимости языковых единиц» по аналогии, например, с термином «комбинаторная лингвистика» (наука о сочетаемости лексических единиц), «полевая лингвистика» (наукой о полевого устройстве языка) (Журавлев 2019), с ассоциативной лингвистикой (наукой об ассоциативной природе языка). Степень переводимости в ее рамках выступает как основной параметр измерения переводимых языковых единиц изучаемого языка (ср. с работой (Топка, 2011)). Мы разделяем подход П. П. Дашинимаевой (2009), согласно которому перевод является проявлением речевой деятельности, но расширяем его, полагая вслед за Л. В. Щербой, что речедетельностный аспект – один из трех аспектов языковых явлений, наряду с языковой системой и языковым материалом. Таким образом, переводимость текстов, предложений, словосочетаний, слов, морфем и др. единиц изучаемого (переводимого) языка – инвариантное онтологическое свойство языковых единиц, выявляемое и описываемое в ТЛ. Прежде всего для ТЛ актуален параметр потенциала (степени) их переводимости, а также особенности его (потенциала) реализации в разных аспектах и разных переводных ситуациях, относительно разных языков (Лебедев, Абрашкина, 2019). Выявление коэффициента переводимости и типология единиц по степени переводимости – наиболее принципиальные задачи описательной ТЛ, особенно значимые на начальном этапе обоснования эффективности транслятивной методики.

На наш взгляд, у переводимости наличествуют два базовых свойства, составляющих онтологическое содержание понятий переводимости и степени переводимости: 1) переводимость является стержневым **внутренним** параметром изучения языка в транслятивном аспекте; 2) переводимость является **объективным** свойством языковых единиц и отношений. Эти свойства составляют антиномическое единство, поскольку внутреннее, ассоциируясь с ментальным, так или иначе содержит субъективный план, который, однако, объективируется в языке как системно-структурном образовании.

У такой концепции переводимости имеется немало аналогий и предшествований в науке. Таковы, например, категории ясности, понятности, доступности в теории простого (легкого) языка, актуальной во многих сферах использования естественного языка (в педагогике, юриспруденции, науке).

Аналогия интериоризации в языке различных свойств, восходящих к ментальным (и, как отмечено выше, – в значительной мере субъективным) проявлениям человеческой деятельности, находит поддержку у исследователей языка разных направлений, ср., например, оценку в названных планах такой сугубо ментальной категории, как интенциональность и смежных с ней понятий: «Интенциональность видится неотъемлемой **категорией текста и текстуальности**, наряду с когезией – структурной связностью текста, когерентностью – содержательной цельностью и смысловой завершенностью текста, информативностью – выраженностью в тексте какой-либо информации, диалогичностью – **восприятием текста** как реплики в диалоге, интертекстуальностью – связью текста с другими текстами, обусловленной фоновыми знаниями, декодируемостью – пониманием текста адресатом – и прагматикой – направленностью на адресата (выделено нами. – Н. Г., В. М.)» (Савельева, 2021, с. 52). Как видим, авторы трактуют интенциональность в тексте как объективированную ментальную сущность.

Продолжим линию аналогии и предшествования в квалификации различных внутренних свойств как ментально-объективных свойств языковых единиц. К таковым, на наш взгляд, относятся свойства

разложимости/идиоматичности, мотивированности/немотивированности, прогнозируемости/непрогнозируемости. Рассмотрим подробнее некоторые из них:

- степень переводимости фразеологизмов напрямую коррелирует со степенью их устойчивости (разложимости/неразложимости); степень идиоматичности производного (многоморфемного) неузального (несловарного) слова прямо пропорционально соотносится со степенью его переводимости, разложимости (идиоматичности) / неразложимости (Мечковская, 2019); о степени идиоматичности (полной, неполной и др.), о корреляции шкалы степеней идиоматичности и переводимости см. (Тарнаева, 2017; Чугунова, 2018);

- ряд параметров, обнаруживающих аналогию, продолжают параметр «ядерность/периферийность» слова внутри синонимического ряда или словообразовательного гнезда, лексико-семантического варианта внутри словарной статьи. Переводимость коррелирует с таким свойством переведенных единиц, как эквивалентность (формальная и смысловая);

- отдаленно и опосредованно шкала степеней переводимости, возможно, коррелирует со шкалой степеней адекватности и качества перевода;

- переводимость тесно связана с характером реплицируемости (Шпильная, 2021), прогнозируемости. Изучение перечисленных свойств единиц естественного языка (ЕЯ) в транслятивном аспекте обещает многое для понимания сущности системного устройства языка и прежде всего его полевой природы, поскольку параметры, образуемые данными свойствами, имеют градуальный характер.

Наиболее значимым для аналогии с переводимостью является параметр «интерпретируемость/агномичность», отражающий способность языковой единицы быть понятой и/или понятной для рядового (коллективного) носителя языка или, напротив, не достигать уровня осознания смысла (агномичность), ср. с работами (Кишина, 2009; Моисеева, 2018; Разумовская, 2019; Клышинский, 2021). В статье В. А. Разумовской (2019) рассматривается «жизнь» текстов русской классической литературы в невербальных семиотических формах.

Такое универсальное свойство текста, как интерпретируемость, также относится к внутренней структуре текста, направленной на формирование смысла сообщения. Более того, Л. Н. Мурзин и А. С. Штерн (1991) говорят о том, что текст, имеющий лишь одно толкование, которое заключено в нем самом, – уже не текст в полном смысле этого слова.

Аналогия переводимости с понятностью (потенциальный план) и понятностью (актуальный план) единицы ЕЯ имеет как теоретическую, так и прикладную роль в лингвистике вообще и в ТЛ в частности. Так, они позволяют сформулировать важную для ТЛ гипотезу о взаимозависимости понятности переводимого текста и степени его переводимости. Категория понятности имеет важные выходы в сферы социального функционирования языка, и исследователи разных направлений ищут подходы для измерения степени понятности, за которыми стоит стремление сделать текст более понятным (удобочитаемым, простым, доступным). Под этим углом зрения педагоги и психологи рассматривают школьные учебники (Микк, 1981; Ткачук, 2014), сайты (Борисова, 2009). Наиболее часто исследователи обращаются к данной проблеме в связи со сложностью и неоднозначностью понимания юридических текстов, прежде всего – законодательных. Ср.: «Адресаты правовых норм по-прежнему нередко сталкиваются с трудностями, пытаясь правильно понять их содержание, в связи с чем презумпция знания закона вновь образует предмет академического обсуждения в стремлении придать ей более утонченный смысл. Постулировать правильное понимание частными лицами закона, тем более вменять им такое понимание, кажется, поспешно, если не созданы хотя бы минимальные гарантии для возможности правильно его понять» (Арапов, Савиных, 2002, с. 105).

Идея о наличии корреляции между понятностью и переводимостью нашла отражение в исследованиях Э. С. Клышинского (2021), а также Э. С. Клышинского, В. К. Логачевой, Ю. А. Белобоковой (2017), направленных на разработку синхронно функциональной типологии языков (на материале славянских языков). В названных работах синхронно-функциональная близость языков отождествляется с понятностью иноязычных слов носителями языков, которым предлагается для понимания без перевода определенный набор иноязычной лексики. Измерение степени понятности проводилось путем опроса и количественных подсчетов понятых и непонятых лексем. Полагаем, что использование обратного машинного перевода технически упростило бы достижение цели измерения понятности и, возможно, сделало бы такое измерение более объективным.

Считаем важной поддержкой высказанной идеи детерминации степени эквивалентности перевода уровнем понятности текста постановку на позицию перевода ее функционального аналога – пересказа (Бузаджи, Псурцев, 2019; Петрова, Солнышкина, 2021). Например, полнота и точность воспроизведения текста или какого-либо фрагмента текста в школьном изложении как форме (письменного) пересказа напрямую зависит от того, насколько сложен (ясен, однозначен) этот текст (фрагмент). Чем регулярнее снижение полноты и точности воспроизведения, тем больше оснований видеть причину именно в тексте и тем в более высокой степени проявляется категория ясности (сложности, однозначности) как объективная текстовая категория.

В этом же ключе находится требование понятности в судебных документах. Ср.: «В настоящее время судам все чаще приходится сталкиваться с ситуациями, когда участники юридических разбирательств ссылаются на непонимание смысла юридических документов как на юридически значимое обстоятельство, однако правовая теория не предлагает рецептов для оценки таких доводов» (Белов, Тарасова, 2019, с. 610).

Аналогичными, хотя и со знаком «минус» (от другой точки отсчета), характеристиками обладают исследования не только степени переводимости, но и **непереводимости** языковых единиц, которая также является внутренней и объективной категорией слова, грамматической категории текста, речевого жанра. Это обстоятельство

давно замечено, отмечено и в значительной мере описано. Обычно оно связывается с национальной спецификой, для непереводаемости более уместны синонимы «самобытностью или неповторимостью». Так, в статье с полемическим названием «Почему термин “сказ” непереводаем?», говоря о непереводаемости сказа как жанра словесного творчества В. М. Шукшина, Nicoletta Marcialis отмечает: «Для В. Шукшина сказ является средством передать “живые голоса людей”. И поскольку писатель решает в своих произведениях проблему индивидуально-характерного, ему важно подчеркнуть неповторимость, оригинальность этих голосов. Поэтому слово героя Шукшина предельно характерологично, объектно, монолог героя – монолог сказового типа» (2011, с. 470). Далее автор выделяет признаки неповторимости, например: нарраториальность, двуголосость, устность, спонтанность и др. В процессе перевода они трансформируются в непереводаемость, а при потребности ее измерения проецируются на шкалу степеней непереводаемости. В аналогичном аспекте непереводаемость применительно к художественным текстам В. М. Шукшина характеризуется в работах Г. Е. Григорьевой (2017), А. В. Ключкова (2015), а также других авторов (Волынец, Русских, 2003). О непереводаемости других типов текстов пишет, например, Б. Л. Бойко (2010); о непереводаемости лексических единиц – Д. Бавато и Л. А. Богатурова (2019).

В этом плане важными для ТЛ считаем постановку вопроса о наличии абсолютно переводимых и абсолютно не переводимых фраз и его практического решения. Далее предлагается трактовка реализации потенциала переводимости как специфической формы функционирования языка и его единиц (перевод как разновидность речевой деятельности).

Аналогии и предшествования идее транслятивного функционирования языка. Предварительно укажем на некоторые аналогии и предшествования идее транслятивного функционирования и образуемого им специфического языкового пространства (плана языка и речи). К ним относятся общие аналогии:

- Аналогии с другими сферами функционирования языка:
 - юридическое функционирование – сфера регулирования языка правовыми нормами; лингвоюридема – единица такого функционирования;
 - эстетическое функционирование; словесный художественный образ; СВЭМ – слова, вызывающие эмоции и мысли;
 - игровое функционирование.
- Аналогии с другими форматами и параметрами функционирования языка:
 - количественный план функционирования языка;
 - когнитивный план;
 - ассоциативный параметр;
 - метаязыковой план;
 - лексикографический параметр лексики и др.

Проиллюстрируем сказанное на примере ассоциативного параметра, который демонстрирует тот факт, что перевод может квалифицироваться и как способ представления естественного языка, и как специфический формат среды его функционирования. На подобие ассоциативных и переводческих речевых актов указывается в книге Н. К. Гарбовского «Теория перевода»: «...установлено, что переводческие соответствия отображают ассоциации, возникающие в сознании переводчиков» (2007, с. 148). В связи с этим считаем правомерным параллелизм терминов в методологическом плане: «метод» – переводческий, переводный транслятивный; аналогия такому использованию термина «метод» – ассоциативный метод, ассоциативный эксперимент (Шестерина, 2008).

Диалектика объекта и метода проявляется в любой модели. Любая модель – онтолого-гносеологический феномен. Таким феноменом являются, например, обывденные метаязыковые рефлексии, которые одновременно выступают и как объективная реальность естественного языка / обращение к метаязыковому сознанию, и как способ исследования естественного языка (опросы, эксперимент). Подробно это вопрос проанализировал Н. Д. Голев (2009).

Прикладное моделирование в лингводидактике, компьютерных программах (в т. ч. переводных). Лексикографирование как акт стихийной речевой деятельности, молчаливое толкование или эксплицитное (например, и вопрос, и ответ: «Уточните, пожалуйста, что вы подразумеваете, говоря “приятель”»; последнее – уже вопросно-ответные метаязыковые («протолексикографические») акты). Рядовые носители языка в таких случаях встают в позицию лингвиста-лексикографа. Профессиональная лексикография представляет собой результат институционализации такой стихийной деятельности.

Далее осуществим проекцию аналогий из смежных сфер непосредственно в область перевода, для чего проиллюстрируем онтологический план перевода примерами онтологизации переводческой деятельности.

Перевод как форма естественной речевой деятельности. Высшая степень онтологизации перевода – представление его как способа существования естественного языка, особого типа его **стихийного** функционирования. Наибольший уровень стихийности проявляется в попытках (транслятивных речевых актах) непрофессиональных «переводчиков» понять и передать смысл иноязычной речи (например, при контактировании примитивных народов в пограничных зонах). Переход от речевой деятельности к метаязыковой (ко все более ее высокому уровню, вплоть до понимания перевода как науки или учебной дисциплины (Велединская, 1998)), переход от непрофессиональной переводческой деятельности к профессиональной.

Остановимся на полярном – по отношению к профессиональному – представлении низового уровня стихийности переводческой деятельности. Так, американский лингвист Брайан Харрис утверждает, что перевод – это естественный и врожденный навык. Согласно Харрису, естественный перевод – это «перевод, который

делается в повседневных ситуациях билингвами, не имеющими специальной подготовки» (Harris, 1977, p. 97). Научную идею «перевод – форма речевой деятельности» развивает П. П. Дашининамаева: «У переводчика мыслекод работает в двух форматах – как интракод и интеркод. Восприятие внешней формы отправленного высказывания сопровождается процессом понимания, в результате приобретая некую смутную конфигурацию мысль для себя (т. е. для переводчика) перекодируется на второй язык. В связи с тем, что первый и второй языки локализируются в коре головного мозга в разных полушариях, нейронная траектория охватывает оба полушария» (2009, с. 65).

Толмачество. Стихийный перевод широко представлен на начальных этапах формирования профессиональной деятельности переводчика (толмача). Толмачество имело широкое распространение в мире. В своей статье о службе толмачей В. Д. Пузанов пишет следующее: «Кроме официальных толмачей в гарнизонах городов Сибири были и служилые люди, которые на время привлекались в качестве переводчиков. В ряде случаев в качестве толмачей воеводы городов Сибири отправляли и ясачных людей» (2020, с. 48). В статье анализируется формирование особой профессиональной группы из представителей туземцев российских колоний в Америке. Некоторые из толмачей участвовали в создании письменности на языках коренных жителей Аляски.

Любительский перевод. Этот вид «предпрофессиональной» транслятивной деятельности рассматривается в работах Х. Гу и Е. В. Гананольской (2018), В. В. Катерминой и В. Б. Жаворонковой (2021), а также Е. Р. Кудрявцевой (2021).

Перевод как метаязыковая деятельность. Перевод, связанный с переходом от уровня практического знания языка к использованию переводчиком знаний о языке (в разной степени теоретических), является метаязыковой деятельностью. Это обстоятельство подчеркивают многие исследователи (Мысоченко, 2017; Кушнина, Улитина, 2016; Аликина, Новикова, 2015).

Отдельную линию движения переводческой деятельности от стихийной к рациональной составляет линия ее «технизации» – конструирование программ искусственного перевода, моделирующих естественный перевод или составляющих ее принципиальные контрверсии (Мамедова, Мамедова, 2006; Рябцева, 1986).

Способы транслятивного функционирования языка. Перевод как деривация. Тема производности и интерпретируемости языковых единиц как их внутренних свойств заявлена выше. Формирование транслятивных пространств разного типа, их функционирование и развитие неразрывно связано с тем обстоятельством, что названные процессы осуществляются как результаты реализации механизмов деривации и интерпретации, которые по своей сути являются формами осуществления переводческой деятельности в ее субъектном проявлении и в таком проявлении, как саморазвитие.

Перевод как деривационная деятельность. Деривационный способ описания результатов перевода проявляется в общедеривационных процедурах: упрощение, усложнение, замена, перестановка; деривационные процедуры в деривации вообще и в переводе в частности (как семантические, так и формальные).

Аналогия и предшествование концепции онтологического понимания перевода. Динамика транслятивного пространства проявляется в постоянном взаимодействии языковых систем, где перевод выступает не только как средство межъязыковой коммуникации, но и как ключевой механизм трансформации смыслов (Голев, Сайкова, 2001; Разина, 2008). Последовательно дериватологическую классификацию переводческих (межъязыковых) преобразований дает И. С. Алексеева (2004). Автор включает в их состав перестановки, замены, добавления и опущения, компенсации, описательный перевод. Перестановка – это изменение в процессе перевода порядка следования элементов исходного высказывания. Замена определяется как замена форм слова (*die Schere* – ножницы), части речи, членов предложения, синтаксические замены в сложном предложении, лексические замены. Добавления – это расширение текста подлинника в целях полноты передачи его содержания, опущения – операция, обратная добавлению и касающаяся сознательной утраты избыточных компонентов. Ср. аналогичную терминологию в словообразовании: прямое, обратное, заменительное словообразование, метадеривация и др.

Перевод как интерпретационная деятельность. Трактовка перевода как интерпретации исходного текста является, с одной стороны, продолжением дериватологического подхода к переводу, с другой – такой подход акцентирует внимание на содержательной стороне трансформационных процессов и их субъективно-деятельностной природе. Иными словами, говоря о деривации, акцент делается на плане выражения переводимой единицы, говоря об интерпретации, – на плане содержания, смысловой стороне в ее деятельностном проявлении. Трактовка перевода как интерпретации является традиционной для переводоведения и часто фиксируется в транслятологической литературе. Так, по запросу «Перевод как интерпретация» в eLIBRARY отмечено 18 работ. Список начинают работы: Е. М. Масленниковой (2007), М. Б. Соловьевой (2007), Л. В. Кушниковой, С. В. Литвиновой, И. В. Перловой, К. В. Пермяковой (2019), Е. А. Салтыковой (2020), Л. И. Румянцевой и Л. А. Портнягиной (2019). Исследователи подчеркивают, что перевод не может быть сведен к простому механическому процессу, а требует глубокого понимания исходного текста и его контекста. Вторичный текст является продолжением, развитием, функцией исходного текста, он построен на деривационном моменте с помощью образования одного текста на базе другого (Голев, Сайкова, 2001, с. 25). Иными словами: говоря о деривации, акцент делается на план выражения переводимой единицы, говоря об интерпретации, – на плане содержания, смысловой стороне в ее деятельностном проявлении. Научная идея соотнесенности двух шкал – степеней переводимости и степеней понятности/доступности исходного текста, т. е. гипотеза о прямо пропорциональной зависимости первой от второй, имеет также и прикладной потенциал. Возможность такого соотнесения отмечена, в частности, в работе Э. С. Клышинского, В. К. Логачевой и Ю. А. Белобоковой (2017), а также Э. С. Клышинского (2021). В этом плане нами были осуществлены попытки проекции данной гипотезы

в область юрислингвистики. Они заключались в проверке возможностей использования обратного машинного перевода для измерения степени смысловой доступности текста закона рядовым носителям русского языка. Результаты таких исследований нашли отражение в некоторых публикациях (Голев, 2020; Голев, Мельникова, 2020; Мельникова, 2021; 2025a; 2025b; Melnikova, Napreenko, 2025).

Перевод как ассоциирование

1. О том, что переводческая деятельность в существенной мере осуществляется в ассоциативном формате, известно давно. Ср.: «Установлено, что переводческие соответствия отображают ассоциации, возникающие в сознании переводчиков» (Гарбовский, 2007, с. 148).

2. В аспекте транслятивной лингвистики акценты во взаимосвязи перевода и ассоциирования расставляются несколько иначе: перевод отражает ассоциативную природу языка как системы, языкового материала и речевой деятельности. Ассоциирование не является строго логическим гиперонимом к деривации и интерпретации, оно выступает как ментально-объективная форма осуществления последних. Оно показывает, как формируется транслятивное поле переводных вариантов слова. Динамика транслятивного пространства, способность к его расширению (саморасширению) вводит ТЛ в парадигму полевой лингвистики в том числе в ее современном – лингвокогнитологическом – аспекте. Такое направление полевой лингвистики рассматривает А. П. Журавлев в статье «Полевой подход как элемент инструментария когнитивной лингвистики» (2019). Автор утверждает, что любой язык может рассматриваться как совокупность лексико-семантических полей. Помимо всего прочего, в статье говорится об актуальности данного метода, проистекающей из того, что лексико-семантическое поле является не искусственным, а вполне естественным с точки зрения организации и функционирования языка способом представления связанной информации» (Журавлев, 2019, с. 86).

Таким образом, процессы транслятивно-деривационного «продолжения» исходной (переводимой) лексической единицы и ассоциативное притяжение к переводимой единице других – иноязычных – единиц при их транслятивной интерпретации неизбежно приводят к формированию транслятивных полей вокруг лексической единицы, а во всей совокупности полей – к транслятивным лексико-семантическим и лексико-фонетическим пространствам. Сказанное относится не только к лексическим единицам, но и к единицам других уровней. Пример поля, исторически восходящего к древнегреческому Σχολή – школа, давшего деривационные варианты в разных европейских языках: албанский shkollë, английский school, баскский eskola, белорусский школа, болгарский училище, боснийский škola, валлийский ysgol, венгерский iskola, галисийский escola, голландский school, греческий σχολείο, датский skole, идиш שול, ирландский scoil, исландский skóli, испанский escuela, итальянский scuola, каталонский escola, латышский skola, литовский mokykla, македонский училиште, мальтийский iskola, немецкий Schule (Сухорукова, Филь, 2020).

Варьирование исходной лексемы осуществляется не только в плане выражения, где формой деривации является молатеральная трансляция – транскрипция и/или транслитерация, но и в плане содержания прослеживаются практически в каждом языке лексико-фонетические варианты лексемы «Σχολή». Так, если частное значение слова «школа» в русском (и в ряде других языков) «искусство дрессировки коня, связанное с манежной выездкой, выполнением различных упражнений, темпов езды и т. п.» еще является лексико-семантическим вариантом, то значение «питомник, где выращиваются растения (сеянцы или саженцы) до посадки на постоянное место» уже свидетельствует об образовании омонима.

Идея межязыковых полей широко представлена в работах, принадлежащих сравнительно-историческому языкознанию; примеры межязыкового варьирования и формирования на этой основе транслингвальных полей находим в работах Т. В. Антоновой (2015), Н. В. Лосевой и Л. Н. Метельской (2018), А. Yildirim, O. Dalkiliç (2023). Начальный этап варьирования такого рода представлен во многих диалектологических исследованиях.

Специальные аналогии и предшествования концепции межязыкового транслятивного пространства. В транслатологии уже сложилась традиция трактовать транслятивные трансформации и варианты, возникающие вокруг переводов слова, группы слов, текстов или других фрагментов языка, как своеобразные поля, а их совокупности – как переводческие пространства. Такой подход иллюстрируют, например, исследования Л. В. Топки (2011), Д. Р. Рахматуллиной, Л. Э. Безменовой, А. В. Степановой (2020).

Нередко идея межязыкового пространства, рассматриваемого в динамическом, деятельностном плане, предстает в исследованиях лингвистов как переводческое пространство, в котором находит отражение переводческая картина мира. Важно отметить, что в ряде недавних работ такого рода динамика описывается в понятиях и терминах синергетики, которая моделирует системные образования разных типов как самовозникающие и саморазвивающиеся, т. е. имеющие внутренний потенциал своего развития. Сказанное касается и формирования макро- и микросистем, организуемых переводческой деятельностью (Кушнина, 2003a; 2003b). Л. В. Кушнина в своих статьях выдвигает гипотезу, согласно которой переводческая деятельность может быть проанализирована как система, имеющая свою организацию, – **переводческое пространство, которое можно трактовать как проявление специфической переводческой картины мир**. Сделаем важное примечание к данному тезису: понятие «переводческое пространство», предлагаемое Л. В. Кушниной, является понятием, характеризующим речевую деятельность переводчика, тогда как понятие «транслятивное пространство», предлагаемое нами, – пространство, образуемое языковым материалом. Разумеется, данные планы не исключают друг друга. В развитие концепции Л. В. Щербы применительно к данным планам логично предложить оппозицию транслятивных процессов (имея в виду процессы межязыкового взаимодействия и межсистемной интерференции, в которых субъектом процесса выступает сам язык), транслятивной деятельности

и транслятивного речевого акта, в которых субъектом процессов являются носители языка, в том числе переводчики. О процессе первого типа пишут М. С. Дорофеева (2017) и Н. В. Дрожащих (2009), о процессах второго типа – Н. А. Константинова и Н. Б. Лебедева (2018), А. С. Овчинникова (2020). Многозначность как разноречивая интерпретация одного понятия описана Т. А. Рунтовой (2006).

Транслятивная лингвистика, вариантология, контактология и акцентология в широком смысле (вариантологический аспект транслятивной лингвистики). В настоящем исследовании мы делаем очередной шаг в направлении расширения границ лингвистической вариантологии, начатый в статье Н. Д. Голева и Л. Г. Ким (2009). В данной статье речь шла о возможности эффективного вариантологического описания результатов таких когнитивных процедур, как интерпретация. При этом мы подчеркивали, что в лингвистической вариантологии речь может идти об интерпретационных вариантах значимых единиц разных уровней – от морфемы до крупных текстов. Различен формат интерпретации – осознанное толкование смысла таких единиц (метаязыковой план), ассоциативная форма интерпретации (любую произвольную ассоциацию на слово можно квалифицировать как его интерпретацию), интонационное прочтение высказывания – также форма его интерпретации. Перевод – это тоже формат интерпретации, факты вариативности перевода общеизвестны и достаточно хорошо изучены в переводоведении на самом разном материале (Данилова, 2012; Рафаилов, 2010). Параллельно с расширением границ вариантологии по линии разнообразия типов и уровней варьируемых единиц и их планов расширяются границы варьирования языковых феноменов как проявлений речевой деятельности: речевых актов и ситуаций, дискурсов и речевых жанров, вариантов (типов) языковой личности.

Вариативность (вариантность) – глобальное свойство ЕЯ и фундаментальная категория лингвистики во всех ее отраслях. Вариантность ЕЯ – все проявления изменчивости на шкале тождества и различия. Золотой закон языка – предел формального варьирования – синонимия, предел семантического варьирования – омоимия (Данилова, 2012; Карасев, 2016; Разлогова, 2017). Транслятивные варианты, интерференция, контактология, контактные варианты, варианты языка рассматриваются во многих работах. Так, например, в работе Ж. Мунэн (1978) сравниваются русские, немецкие и венгерские типы вариантов, при их анализе используется контрастивный метод, систематизируются контактные варианты (формальные заимствования, варианты прямых заимствований, гиперкорректные формы, обратно заимствованные лексемы).

Транслятивная интерференция, акцент в широком понимании, транслятивный интерферент. Включение перевода в сферу вариантологии имеет важные теоретические следствия (Голев, 2023). Одно из них – возможность расширительной трактовки акцента. Затруднения (помехи) проявляются в однозначной транслятивной передаче плана выражения и плана содержания единиц чужого языка, и их преодоление осуществляется путем приспособления (интерференции) к привычным стереотипам родного языка. Транслятивный акцент – проявление таких затруднений и помех в переводческой деятельности. Устойчивые помехи при контактировании являются дополнительным стимулом для образования вариантов одного языка: пиджинов, креольских языков, языков-паллиативов, маргинальных языков. Обычно это длительный языковой процесс, состоящий из множества контактов, представляющих собой единичный речевой акт. Переводческий акт – формат такого контакта.

Транслятивная интерференция касается не только устной, но и письменной речи, не только фонетического уровня, но и других уровней языка, не только плана выражения, но и плана содержания, в том числе в его когнитивном проявлении (картине мира). Все это дает основания для расширительного толкования термина «акцент». Поддержку такому толкованию находим в статье Т. Г. Шишкиной (2015) ««Русский акцент» в английской письменной речи». Авторы высказывают справедливое, на наш взгляд, суждение: «Хотя акцент часто ассоциируется с фонетикой, на это явление можно взглянуть немного шире. Акцент – это сложное явление, под которым понимается любое значимое отклонение от норм литературного языка. Таким образом, акцент – это совокупность ошибок в речи человека, говорящего или пишущего на неродном языке, которые обусловлены влиянием системы его родного языка (сравните, например, выражение “иноязычный акцент”, “немецкий акцент”, “русский акцент”)» (Шишкина, 2015, с. 127). Внесем в сказанное две интерпретационные ремарки: «значимое отклонение» в аспекте перевода – регулярное отклонение, а отклонение от норм логичнее толковать как отклонение от системы и/или кода, предполагаемого ей и фиксируемого переводящей программой машинного перевода (МП). Полагаем, что трудности, которые «испытывает» МП (и обратный машинный перевод (ОМП)), также являются проявлениями такой контактной интерференции; выходящие на поверхность помехи МП и ОМП показывают потенциал формирования устойчивого акцента (интерферента). В иной (прикладной) плоскости идею формирования акцента в письменной речи выдвигают авторы статьи П. А. Катышев, Н. А. Боженкова, И. В. Огорелков, П. К. Иванов (2021), которые рассматривают межъязыковую интерференцию как свойства письменной речи в рамках автороведческой экспертизы. На материале семи языков авторы выделили диагностические маркеры, которые демонстрируют тот факт, что русский язык для лица, написавшего текст, не является родным, так как он не владеет типологическими особенностями русского языка. Такой анализ, по мнению авторов статьи, позволяет определить источник интерферентного влияния.

Концепция «Транслятивная интерференция и акцентология» (в широком смысле), и «Транслятивное пространство» близка глобальнолингвистической концепции «Геоллингвистика, георусистика, геофонология», развиваемой А. Н. Рудяковым (2016; 2020). Основное различие между русистикой и георусистикой, согласно А. Н. Рудякову, заключается в том, что первая сосредоточена на изучении русского языка как уникального явления, противопоставленного другим языкам, тогда как вторая акцентирует внимание на взаимодействии глобального русскоязычного мира с другими языковыми системами. В условиях ускоряющегося социального взаимодействия автор видит главную задачу георусистики в проектировании этого взаимодействия для улучшения русскоязычного пространства. Георусистика фокусируется на активно взаимодействующем русском

языковом мире, который включает в себя не только российский русский язык, но и другие функционально аналогичные варианты, возникающие в ситуациях, когда русский язык служит средством социального взаимодействия в различных территориальных и социальных контекстах. А. Н. Рудяков вводит ключевое понятие «русофония», описывая ее как надгосударственный и наднациональный языковой коллектив, представляющий собой систему людей, использующих русский язык для социального взаимодействия. Географические границы русофонии определяются исключительно по критерию использования русского языка в качестве средства общения. Автор подчеркивает, что в различных подсистемах русофонии интенсивность использования русского языка варьируется: в центре системы он является основным средством коммуникации, в ядре – главным, но не единственным, а на периферии – второстепенным. А. Н. Рудяков разработал модель описания глобального русскоязычного мира, включающую описание всех компонентов структуры русского языкового мира. Автор предлагает новую концепцию, побуждающую читателей задуматься о принципах внутренней и внешней языковой политики, способствующей укреплению позиций русского языка и русскоязычного мира.

На лексико-семантическом уровне межъязыковые акценты обнаруживают себя при несовпадении комбинаций сем, на которые членится семантема переводимого слова и комбинируется при поиске лексического эквивалента в языке перевода.

Заслуживают внимания выходы ТЛ в текстологию. Филологию всегда интересовал вопрос о системном представлении текста, позволяющем ответить на холический вопрос, в какой мере значение системного целого оказывается выводимым (или невыводимым) из суммы значений элементов системы. ТЛ является своеобразным методом анализа языка во всех его проявлениях, в том числе текстовых уровнях, как комплексный многоуровневый анализ, который позволяет сделать системный срез специфических особенностей данного текста, отдаляющих его от типовых (стандартных) вариантов текстов на данном языке (в рамках определенного стиля, жанра, функциональной разновидности изучаемого языка).

Одна из важных системных задач ТЛ по отношению к тексту – распределение его компонентов по степени переводимости. В этой и всех подобных градациях текстов по степени их переводимости помимо возможных практических выходов (например, при сравнении деловых документов) существует возможность выявления и квалификации причин, приведших к такой, а не иной градации.

Ответ на вопрос о том, какие из выявленных интерференентов могут претендовать на статус элементов русско-английского и/или англо-русского акцента в широком смысле, предполагает специальный анализ с привлечением большого верифицирующего материала.

Заключение

Исследование позволило осуществить систематизацию современных теоретических концепций, изучающих онтологические аспекты переводимости и понятности в их взаимосвязи с интерпретируемостью языковых единиц. В результате анализа были выделены ключевые методологические подходы к изучению данных феноменов. Проведенный анализ лингвистических исследований позволил сформулировать ряд значимых выводов и обосновать авторскую концепцию транслятивного пространства. В работе представлена оригинальная классификация механизмов транслятивного функционирования языковых единиц. Привлечение результатов предыдущих исследований авторов способствует целостности и преемственности научного подхода.

В работе получила обоснование концепция транслятивного пространства как онтологической системы, формируемой взаимосвязанными вариантами перевода, которые детерминированы интерпретируемостью и понятностью языковых единиц. Доказано, что данное пространство структурируется через три основных механизма транслятивного функционирования: деривацию, интерпретацию и ассоциирование, – классификация которых разработана с учетом их онтологических свойств и степени понятности.

Исследование выявило устойчивые корреляции между параметрами переводимости, показателями понятности и характеристиками интерпретируемости языковых единиц. Установлено, что данные взаимосвязи образуют сложную систему онтологических зависимостей.

Перспективным направлением представляется исследование специфики транслятивного функционирования единиц разных языковых уровней и разработка комплексной методики анализа переводческой вариативности.

Источники | References

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие. СПб.: М.: Академия, Филологический факультет СПбГУ, 2004.
2. Аликина Е. В., Новикова А. В. Проявления метаязыковой личности переводчика при переводе поэтических произведений // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-2.
3. Антонова Т. В. К вопросу о классификации явлений языковой асимметрии (на примере русского и английского языков) // Язык и культура. 2015. № 3 (31).
4. Арапов Н. А., Савиных В. А. О гарантиях правомерных интересов частных лиц в условиях полисемии права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2002. № 5.
5. Бавато Д., Богатурова Л. А. Русские слова, непередаваемые на иностранные языки // В мире русского языка и русской культуры: сборник тезисов III Международной студенческой научно-практической конференции (г. Москва, 25 апреля 2019 г.). М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019.

6. Белов С. А., Тарасова К. В. Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. 2019. Т. 10. № 4.
7. Бойко Б. Л. Проблемы непереводимости (на материале военных текстов) // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2010. № 1.
8. Борисова Е. Г. Научный аппарат для описания понимаемости (юзабилити) сайта // Понимание в коммуникации: сборник статей. М.: Московский городской педагогический университет, 2009.
9. Бузаджи Д. М., Псурцев Д. В. Пересказ как мера переводимости: о результатах одного эксперимента // Мосты. Журнал переводчиков. 2019. № 1 (61).
10. Велединская С. Б. Индивидуально-авторская мотивация в художественном тексте и ее передача при переводе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 1998. № 6.
11. Волюнец Т. Н., Русских А. С. Непереводимое в поэме Адама Мицкевича «Пан Тадеуш» // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2003. № 2 (28).
12. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во Московского университета, 2007.
13. Голев Н. Д. Компьютерное измерение сложности юридического текста // Проблемы и перспективы современной научной мысли в России и за рубежом: сборник тезисов II Международной конференции (г. Кемерово, 20 апреля 2020 г.). Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2020.
14. Голев Н. Д. Макромоделирование языковой вариативности: к расширению границ лингвистической вариантологии // Научный диалог. 2023. № 12 (8). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-8-86-125>
15. Голев Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтолого-гносеологический феномен // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография. Кемерово – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2009.
16. Голев Н. Д. Транслятивная лингвистика (аспектуализированный обзор исходных положений). Ч. 1. Гносеология перевода // СибСкрипт. 2022. Т. 24. № 6 (94).
17. Голев Н. Д., Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариантологии) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 27 (165).
18. Голев Н. Д., Мельникова В. С. Обратный машинный перевод на службе юридической лингвистики // Инновационные, информационные и коммуникационные технологии: сборник трудов XVII Международной научно-практической конференции (г. Сочи, 01-10 октября 2020 г.). М.: Ассоциация выпускников и сотрудников Военно-воздушной инженерной академии имени профессора Н. Е. Жуковского содействия сохранению исторического и научного наследия Военно-воздушной инженерной академии имени профессора Н. Е. Жуковского, 2020.
19. Голев Н. Д., Сайкова Н. В. Изложение, пародия, перевод. К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: сборник научных статей. Барнаул: Алтайская академия экономики и права, 2001. Вып. 3.
20. Григорьева Г. Е. Культурная и лингвистическая непереводимость прозы В. М. Шукшина // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 1.
21. Гу Х., Ганапольская Е. В. Сравнение стратегий перевода профессионального и непрофессионального переводчиков при устном переводе с китайского языка на русский // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2018. № 2.
22. Данилова Е. С. Анализ сочетаемости лексемы work: варианты ее перевода в различных контекстах // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 18 (137).
23. Дашинимаева П. П. От онтологии речи к моделированию перевода (послесловие к лекциям Е. Ф. Тарасова) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2009. № 3.
24. Дорофеева М. С. Моделирование системы в синергетике специального перевода: практический аспект // European Journal of Literature and Linguistics. 2017. № 1.
25. Дрожащих Н. В. Лингвосинергетика: истоки и перспективы // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2009. № 1.
26. Журавлев А. П. Полевой подход как элемент инструментария когнитивной лингвистики // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2019. Т. 21. № 67.
27. Карасев Н. А. Понятие «тайна» в становлении христианской мистики: варианты перевода и интерпретации // Успехи современной науки. 2016. Т. 4. № 8.
28. Катермина В. В., Жаворонкова В. Б. Феномен любительского аудиовизуального перевода // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2021. № 2 (111).
29. Катышев П. А., Боженкова Н. А., Огорелков И. В., Иванов П. К. Диагностика межъязыковой интерференции в рамках автороведческого исследования // Российский журнал исследований билингвизма. 2021. № 3.
30. Кишина Е. В. О степени агнонимичности в лексике русского языка // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография. Кемерово – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2009.
31. Ключков А. В. Непереводимый Шукшин: опыт лингвостилистического сопоставительного анализа оригинала и перевода // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2 (65).

32. Клышинский Э. С. Статистический метод количественной оценки понятности иностранных славянских языков для русскоязычного читателя // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Информационные технологии. 2021. Т. 19. № 1.
33. Клышинский Э. С., Логачева В. К., Белобокова Ю. А. Понимаемость текста на иностранном языке: случай славянских языков // Препринты Института прикладной математики им. М. В. Келдыша. 2017. № 13.
34. Константинова Н. А., Лебедева Н. Б. Обратный машинный перевод как инструмент описания глагольной семантики (на материале конструктивных глаголов русского языка) // Актуальные проблемы и перспективы русистики: материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете (г. Барселона, 20-22 июня 2018 г.). Барселона: Trialba Ediciones, 2018.
35. Кудрявцева Е. Р. Классификация пользовательского перевода // Цифровая наука. 2021. № 3.
36. Кушнина Л. В. Гипотеза о формировании и динамическом развитии переводческого пространства // Вестник Тюменского государственного университета. 2003а. № 4.
37. Кушнина Л. В. Динамика переводческого пространства: гештальт – синергетический подход. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2003b.
38. Кушнина Л. В., Литвинова С. В., Перлова И. В., Пермякова К. В. Интерпретирующая функция переводческого понимания как отражение индивидуальной переводческой картины мира // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2019. № 24.
39. Кушнина Л. В., Улитина С. Г. Метатекстовая деятельность переводчика: лингвокогнитивный аспект // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26.
40. Лебедев А. В., Абрашкина К. С. Специфика англоязычных правовых документов и проблема их переводимости на русский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 3.
41. Лосева Н. В., Метельская Л. Н. Опыт экспериментального исследования межъязыковой интерференции в ситуации учебного мультилингвизма // Филология и культура. 2018. № 2 (52).
42. Мамедова М. Г., Мамедова З. Ю. Машинный перевод: эволюция и основные аспекты моделирования. Баку: Informasiya texnologiyalari, 2006.
43. Масленникова Е. М. Перевод как интерпретация // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2007. № 11.
44. Мельникова В. С. Измерение степени сложности текста закона с помощью компьютерных программ: к постановке проблемы // Филология, иностранные языки и медиакоммуникации: материалы симпозиума в рамках XVI (XLVII) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Кемерово, 01-30 апреля 2021 г.). Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2021. Вып. 22.
45. Мельникова В. С. Исследование сложности, понятности и переводимости русского текста традиционными методами и методом обратного машинного перевода // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2025а. Т. 4, № 1 (13).
46. Мельникова В. С. Метод обратного машинного перевода как зеркало соотнесенности лингвокогнитивных категорий понятности и переводимости // Пушкинская традиция в русской культуре: язык, литература, медиадискурс: сборник научных статей Национальной научной конференции, посвящённой 225-летию А. С. Пушкина и 75-летию филологического образования в Кузбассе. Кемерово, 2025b.
47. Мечковская Н. Б. Номинативный и коммуникативный уровни языковой структуры: в какой мере им присущи свойства воспроизводимости и идиоматичности единиц? // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. № 20.
48. Микк Я. А. Оптимизация сложности учебного текста. М.: Просвещение, 1981.
49. Моисеева А. В. Категория интерпретируемости как одна из характеристик текста глянцевого журнала // Перспективы развития современного гуманитарного знания: сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Стерлитамак, 19-20 марта 2018 г.). Стерлитамак: Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, 2018.
50. Мунэн Ж. Теоретические проблемы перевода. Перевод как языковой контакт // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сборник статей. М.: Международные отношения, 1978.
51. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991.
52. Мысоченко И. Ю. Прагматика метаязыковой аспектности перевода // Образовательный процесс. 2017. № 1.
53. Овчинникова А. С. Переводный текст как вид межкультурной интеракции (на примере романских переводов В. С. Высоцкого) // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21).
54. Петрова А. А., Солнышкина М. И. Неподготовленный устный пересказ как вторичный текст: референциально-прагматические и пропозициональные характеристики // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 1.
55. Пузанов В. Д. Служба толмачей в Сибири в конце XVI-XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2 (80).
56. Разина И. Г. Перевод как процесс межъязыковой деривации // Язык и культура. 2008. № 1.
57. Разлогова Е. Э. Стандартные и нестандартные варианты перевода // Вопросы языкознания. 2017. № 4.
58. Разумовская В. А. Тексты русской классической литературы в межсемиотической перспективе // Русское слово в многоязычном мире: материалы XIV Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (г. Нур-Султан, 29 апреля – 03 мая 2019 г.). СПб.: Международное некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы, 2019.
59. Рафаилов А. М. Новые варианты перевода рунических надписей на двух золотых сосудах копенского чаатаса // Проблемы востоковедения. 2010. № 2 (48).

60. Рахматуллина Д. Р., Безменова Л. Э., Степанова А. В. Межъязыковые преобразования речевых актов в переводческом пространстве // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 4.
61. Рудяков А. Н. Георусистика: русский язык в глобальном мире. М.: Лекрус, 2016.
62. Рудяков А. Н. О понятийном аппарате и гносеологических основах современной лингвистики: георусистика, «национальные варианты русского языка», социорусистика // Социоллингвистика. 2020. № 2 (2).
63. Румянцева Л. И., Портнягина Л. А. Особенности переводческой интерпретации А. А. Ахматовой стихотворений Л. Попова // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79).
64. Рунтова Т. А. Перевод как метод экспликации семантического поля // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2006. № 3.
65. Рябцева Н. К. Информационные процессы и машинный перевод. Лингвистический аспект. М.: Наука, 1986.
66. Савельева И. В. Непрофессиональный политический дискурс: лингвопрагматический и лингвоперсоналогический аспекты. СПб.: Наукоемкие технологии, 2021.
67. Салтыкова Е. А. Дословный перевод как интерпретация и порождение текста // Гуманитарные науки. 2020. № 5.
68. Соловьева М. Б. Перевод как интерпретация (по Ж. Деррида) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2007. № 11.
69. Сухорукова Ю. А., Филь Ю. В. Семантика перспективности в русском и других славянских языках (на материале глаголов с приставкой пред-) // Русин. 2020. № 62.
70. Тарнаева Л. П. Идиоматичность лексического слоя профессионального дискурса в межъязыковом сопоставлении // Мир русского слова. 2017. № 2.
71. Ткачук Е. А. Аспекты информационно-психологической безопасности школьных учебников: легкость чтения и понимаемость // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2014. № 3.
72. Топка Л. В. Межъязыковое и национально-культурное пространство речеповеденческой ситуации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 1. № 4.
73. Чугунова С. А. К вопросу о разложимости идиоматических значений: экспериментальное исследование // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34.
74. Шестерина Е. А. Использование ассоциативного эксперимента для объяснения характера расхождений иноязычного и переводного текста // Языковое бытие человека и этноса. 2008. № 14.
75. Шишкина Т. Г. «Русский акцент» в английской письменной речи // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы Второй научно-практической конференции (г. Москва, 24–25 апреля 2015 г.). М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2015. Т. 1.
76. Шпиляная Н. Н. Реплицирование: вторая реплика и метаязыковые операторы диалога (на материале диалоговых форматов интернета) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71.
77. Harris B. The importance of natural translation // Working papers in bilingualism. 1977. № 12.
78. Marcialis N. Perché il termine “skaz” è intraducibile? // Laurea Loraе: Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой. СПб.: Нестор-История, 2011.
79. Melnikova V. S., Napreenko G. V. Role of reverse machine translation in studying variability and interpretation of Russian texts // Joint Innovation – Joint Development: Themed collection of papers from Foreign international scientific conference (Harbin (China), 27 February 2025). St. Petersburg: Private scientific and educational institution of additional professional education Humanitarian national research institute “NATSRZAVITIE”, 2025.
80. Yildirim A., Dalkılıç O. Межъязыковые параллели на уровне внешней и внутренней формы слова в методологии преподавания РКИ // RUSAD.Rusya Araştırmaları Dergisi. 2023. № 9.

Информация об авторах | Author information

RU Голев Николай Данилович¹, д. филол. н., проф.
Мельникова Виктория Сергеевна²
^{1, 2} Кемеровский государственный университет

EN Nikolai Danilovich Golev¹, Dr
Victoria Sergeevna Melnikova²
^{1, 2} Kemerovo State University

¹ ngolevd@mail.ru, ² melnikovavika2017@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.03.2025; опубликовано online (published online): 23.04.2025.

Ключевые слова (keywords): понятность текста; переводимость текста; обратный машинный перевод; транслятивная лингвистика; русский язык; text understandability; text translatability; back machine translation; translation linguistics; Russian language.